

Ты знаешь, конечно, о том, что смертельно уставший
И жутко больной никогда не становится в позу...
Однажды, наверно, я стану мудрее и старше,
Наш спор безрассудный закончится в Божию пользу.

Не тем мы страдаем по жизни, не тем себя лечим...
В душе обнажённой расплатится Божья сиротка,
И с радостной болью признаю, что крыть уже нечем,
И руки по швам опущу утомлённо и кротко.

Великое чудо – ещё улыбаются с неба,
В которое, верю, смотрела всегда без лукавства;
И хлопья пушистые белого-белого снега
Падут на лицо моё самым желанным лекарством.

Июль

Где-то радуга в ручье тонет –
А в ином у нас тонуть не в чем;
И земля гудит-поёт-стонет,
И кузнечик под окном певчий

Так старается один, будто
Колесницы из-за гор мчатся.
Юный месяц пеленой спутан,
Ждёт, родимый, своего часа,
О свободе вышину молит –
Упованью дураков учит.
И несут в себе грозу молний
Кучевые облака-тучи.
А над тучами – просвет ясный
Улыбается тебе лично;
И в просвете том парит ястреб,
За собой взлететь зовёт-кличет,
Всё бледней, бледней его точка.
В тёмном небе полыхнёт-ухнет –
Зарождается строка-строчка,
Летним ливнем в пыль дорог рухнет.
И покатится поток пенный,
Напоит простор живой влагой
Да разбрызгает стихи-песни –
Станут люди их читать-плакать.

* * *

Неправда, что павшим достаточно памяти близких!
Доехать, дойти и коснуться рукою оградки –
В часы пред рассветом покрыты росой обелиски –
Солдатские судьбы страны в алфавитном порядке.
Где мокла пехота и двигалась техника юзом,
Теперь, погляди, забаюканы страшной годиной
Спят тихо герои всех малых местечек Союза,
Прижавшись друг к другу, как братья в утробе единой.
Ты станешь бояться, что всё перепишут иуды,
И как-то иначе об этом расскажется в школах...

Но тысячи тысяч бойцов, погребённых повсюду!
Но дед мой, погибший в бою за деревню Вашково!
А дома всё также, лишь чёрный платок наготове,
И век до могилы здесь мнится особенно длинным —
Ещё не однажды Сибирь обернётся по-вдовьи
На сдавленный клич новгородских полей журавлиных.

Вишни

Предоставил октябрь денёк лишний:
Это надо же так — без дождя утро!
Я сажаю на заднем дворе вишни —
В сорок лет начинается жизнь будто.
Надо мной, завывая, гудит ветер;
Слабый кустик дрожит в наготе Ноя.
И никто не ответит на всём свете,
Отчего так тревожно в груди ноет.
Средь житейских невзгод и земных тягот
Ты тянись, принимайся, росток малый —
Я хочу, чтоб однажды твоих ягод
Непременно набрали отец с мамой;
Чтобы жить им на этой земле долго
Даровал милосердно Господь Вышний.
В сорок лет начинается жизнь только —
Я сажаю на заднем дворе вишни.

Ястреб

А когда на отчий край псы не лезли-то,
Не скрывало вороньё солнца ясного?!
Что ты ведал, милый друг, в жизни, если ты
Не держал ещё в руках птицу-ястреба;

Не видал его полёта былинного,
Оперения рябого, кольчужного?!
Он стрелой играет, словно былинкою,
Он чурается спокойствия чуждого!

Ястреб спит и видит зорькой рассветную
Золочёную хоругвь, поле чистое,
И хранит тепло плеча Пересветова
Сквозь столетья его лапа когтистая!

Эх, былые времена, невозвратные,
Промелькнули, словно сон, в Лету канули!
Покидали грешный мир люди ратные,
Но парили ястреба над курганами.

И сегодня, погляди, шутки в сторону –
Надвигается, гремит мгла зловещая.
Пусть над Родиной моей зорким сторожем
Зависает ястребок, птица вещая!

Иные стихи

Не то что тревогу, а часто прямую угрозу
Иные стихи возвещают спустя поколения:
Один говорил что-то там о крещенских морозах –
И в ящик сыграл аккуратно на Богоявленье,

Лежал, в пол уткнувшись, в нелепых трико и футболке;
Другому недаром мерещились тени на рельсах.
Как будто бы знали, ей-Богу, да много ли толку!
А третий мечтал о пасхальных денёчках апрельских.

Хоть каждый о смерти твердил, но не верил про это –
Одно на бумаге, а сам оставался беспечен.
Мне выяснить край, отчего умирают поэты,
И верно ли то, что дышать им становится нечем.

Блокнот за блокнотом теперь, за тетрадкой тетрадку,
У синего моря, разбитого в щепки корыта,
Каракули-вирши листаю свои в лихорадке –
А вдруг в них моя пресловутая тайна сокрыта...

* * *

Пусть на сонном маршруте особых предвестников нет,
Времена парусами уныло повисли на реях –
Я мечтаю доплыть до черты, за которой рассвет
Вспыхнет новым светилом и тёмное сердце прозреет.
Там усталый апостол достанет из волн свой улов,
Серебристые рыбы блеснут одесную-ошую;
Но тогда надо мною исполнится истинность слов,
И отверстое небо вовек ни о чём не спрошу я.
Может, просто к покою потянется брменная плоть –
Хоть кого изведёт череда безнадёжных скитаний,
Только вымолвлю сердцем: «Воистину прав Ты, Господь!»
И на веру приму роковой парадокс мирозданья.

Хлебозоры

Ночь. Цикады звенят в травяной кузне.
Облепили столбы фонарей совки.
Чёрной глыбой вдали, горизонт сузив,
Выпирают на юг из земли сопки.

В тёмных пихтах тревожно кричат жёлны.
Разорвав в небесах полотно в клочья,

Загорится просвет молодым жёлтым,
Будто солнце оттуда встаёт ночью.

Остаётся мудрёным словам верить:
Хлебозоры парят облаков выше,
Будто кто-то на миг распахнул двери –
И алтайскую рожь наяву вижу.

До неё, до родимой – в пыли вёрсты;
Ястреб-птица и тот долетит редко.
И, каким ни казалось сухим, чёрствым,
Откликается сердце на зов предков.

Словно в Китеже, вечном святом граде,
Продолжается жизнь там своим ходом;
И хотя их покинул ещё прадед,
Снится, будто и я с этих мест родом.

Люд посконный

Не нужно, всё же, люд посконный злить –
Когда личины желчны и сухи,
Не разобрать, кто ближний, а кто дальний;
А доведётся Родину делить –
Не троньте нас, мы люди от сохи,
От очага, мехов и наковальни.

Сливём помехой, надо понимать,
Но правда есть, и мы стоим на ней
До искр из глаз, до юшки из-под носу.
И нас ещё несёт земля-мать,
И верится – в круговороте дней
Не будет нам на сто веков износу!

Пойте надо мной

А когда всерьёз слягу, обомлев —
Жизнь нельзя купить-выменять —
Пойте надо мной, пойте обо мне
И от моего имени.

На любой мотив, голосом любим —
Только бы слова Божии,
Чтоб ненастным днём светом голубым
Небеса на миг ожили,
Чтоб крестом проплыл белокрылый стерх
Над моей земной пристанью,
Чтоб от песни той устремились вверх
Взоры, как один, пристально,
Чтоб блеснул просвет жёлтого желтей,
Звёздочкой Пути Млечного,
Чтобы стала вдруг вера у людей
Твёрже в торжество вечного!

Потерпи обо мне

В благодатном саду расцвели благодатные вишни;
Горевой пустоцвет, что Тебе я на это скажу? —
Потерпи обо мне, не секи меня, Боже Всевышний,
Может статься, и я этим летом на что-то сгожусь.
Ты воззри на меня: я раба-чужестранца покорней —
Потрепало изрядно челнок мой житейской волной.
Только Сам окопай эти жалкие голые корни,
Только Сам Ты удобрю участок земли подо мной.
И когда в другой раз Ты меня у дороги приветишь —
От обилия ягод склонюсь у всещедрой руки,
И Тебе одному протяну я тяжёлые ветви.
Потерпи обо мне и покуда меня не секи.